

*Роза Сабыровна БУКТУГУТОВА —
доцент кафедры всемирной истории
Кокшетауского государственного
университета (Республика Казахстан),
кандидат исторических наук*

УДК 93(571.1)

ВКЛАД РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В НАЧАЛЕ XX в.

АННОТАЦИЯ. В статье характеризуется вклад российской интеллигенции в развитие образования среди казахского населения Степного края XX в. Показана ее роль в создании русско-казахских школ, а также в деятельности ряда просветительных организаций, способствовавших культурному сближению коренных жителей и русского населения этого региона

The author characterizes the contribution of Russian intellectuals into education development for Kazakh population in Steppe region in the 20th century. Their activity resulted into the net of Russian — Kazakh schools, a number of enlightenment organizations as well as in closer ties between ingenious population and Russian newcomers to the region.

Ускорение социально-экономического развития Степного края в конце XIX — начале XX вв., в состав которого входили Акмолинская и Семипалатинская области, рост потребности в квалифицированных кадрах способствовали тому, что вопрос о развитии здесь образования, о расширении сети средних и низших учебных заведений стал весьма актуальным. До массового переселения русского населения в Степной край дети кочевников образование могли получить в основном в мусульманской школе, в которой господствовали средневековая схоластика и отжившие методы обучения. Но в условиях значительной интенсификации хозяйственно-политического и культурного развития общества второй половины XIX в. мусульманская школа уже не удовлетворяла потребности коренного населения. Представители казахской интеллигенции, получившие образование в русских учебных заведениях, не могли не видеть отсталости конфессиональных школ, их полной беспомощности.

Русское образование среди казахского населения Степного края вплоть до начала XX в. было развито слабо. В «Обзоре Акмолинской области за 1901 г.» отмечалось: «Что касается киргизского населения, то народное образование в среде его не имеет никакой организации. Кроме единственного в Омске пансиона для русских и киргизских мальчиков, в настоящее время существует 4 сельскохозяйственные школы ведомства земледелия, в которые могут поступать и иногородцы» [1].

Во второй половине XIX в. в Акмолинской и Семипалатинской областях для казахских мальчиков и девочек было открыто несколько школ-интернатов, но они не завоевали доверия у населения. Часть этих школ вскоре была закрыта, остальные преобразованы в низшие сельскохозяйственные училища [2]. В июне 1901 г. генерал-губернатор Степного края Н. Сухотин предложил губернаторам Акмолинской и Семипалатинской областей начать подготовку к открытию русско-казахских школ для коренного населения. Он писал: «С начала будущего года предполагается открыть в Акмолинской и Семипалатинской областях по 8 аульных передвижных школ для начального обучения киргизов русской грамоте. На содержание

каждой аульной школы потребуется ежегодно 540 рублей. На поименованные расходы по содержанию школ ожидается из сумм Министерства просвещения по 226 рублей на каждую школу, а остальные 314 руб. будут подлежать ежегодному отпуску из земских средств областей. Прошу Вас предложить уездным начальникам наметить пункты, в коих учреждение аульных школ являлось бы наиболее целесообразным» [3]. Некоторые из уездных начальников весьма одобрительно отнеслись к созданию русских школ для казахского населения. Акмолинский уездный начальник Михайлов писал губернатору: «Давно желательно вводить аульные школы обязательно, не требуя и не ожидая согласия киргизских обществ. Расход 540 рублей на каждую школу не будет обременительным для волости, а ожидаемая от этой школы польза окупит и не такие издержки» [4].

Казахское население Акмолинской и Семипалатинской областей к созданию аульных школ первоначально относилось равнодушно, а в некоторых случаях — враждебно. Объяснялось это еще памятной неудачей открытия школ-интернатов и враждебной агитацией мусульманского духовенства.

Подготовка к открытию аульных школ совпала с введением должностей крестьянских начальников. Среди казахского населения начали распространяться слухи о том, что «будто бы казахи будут прикреплены к земле и обращены в крестьян». Обучение в русско-казахских школах якобы будет готовить казахов к крещению (обращению в христиан) и отбытию воинской повинности. Понятно, что после этого казахи не хотели отдавать своих детей во вновь создаваемые учебные заведения. Необходимо было провести среди населения разъяснительную работу, что и сделала созданная в 1902 г. при Западно-Сибирском учебном округе дирекция народных училищ, возглавляемая А. Е. Алекторовым.

А. Е. Алекторов (1861-1918 гг.) — уроженец г. Томска, выпускник Пензенской духовной семинарии и Оренбургского учительского института. А. Е. Алекторов впервые посетил Казахстан в 1882 г. В 1886 г. он был назначен инспектором и директором училищ Внутренней Орды, а в 1902 г. назначается директором народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей. Здесь он проводил большую работу по расширению сети школ для казахского населения [5]. За годы своей деятельности в Степном крае А. Е. Алекторов опубликовал более 200 работ по истории, этнографии и фольклору казахского народа. Одним из значительных трудов А. Е. Алекторова является «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах», изданный в 1900 г. в Казани. Составляя его, автор перепечатывал материалы из других источников, зачастую передавая только краткое их содержание, чаще тезисно, но с точным названием первоисточников, места и времени их издания. Так, поясняя статью немецкого ученого Альфреда Бремса «Бытовая и семейная жизнь казахов», А. Е. Алекторов отмечал, что народ-наездник живет в мире со своими соседями, уважает права собственности [6]. Ценность этого уникального труда в том, что каждая статья, заметка или монография сопровождается критическим разбором и суждениями самого А. Е. Алекторова. Таким образом, этот труд является не только справочным, но и самостоятельным научным изданием [7]. Диапазон деятельности А. Е. Алекторова очень широк — он выступал и как ученый-библиограф, и как этнограф, и как просветитель. Долгие годы он был действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

А. Е. Алекторов уделял большое внимание материальному обеспечению русско-казахских школ, следил за снабжением их учебниками, учебно-наглядными пособиями, мебелью. Он составляет для учителей аульных школ специальное методическое пособие «Учебники и способы преподавания в аульных школах Акмолинской и Семипалатинской областей». В качестве учебников для аульных школ А. Алекторов рекомендовал свои книги «К мудрости ступенька»

и «Киргизская хрестоматия. Сборник статей для переводов на русский язык, для классного и домашнего чтения», а также учебник С. Граменецкого «Книга для чтения», «Сборник арифметических задач и примеров для начальных народных училищ» К. Аржанникова.

В методическом пособии «Примерные уроки разговорной русской речи, орфографии и сообщения грамматических сведений» А. Алекторов дал разработку уроков для аульных школ. В преподавании русского языка в казахских школах он советовал пользоваться наглядно-переводным методом обучения, широко опираться на жизненный опыт учащихся.

В 1902 г. в Степном крае были открыты 14 аульных русско-казахских школ: 6 из них (Маралдинская, Ашилыкульская, Ексинивская, Кызыл-Агачская, Нарынская, Телепалганская) — в Акмолинской и 8 (Джаралинская, Нарынская, Себинская, Бегеневская, Караобинская, Каракимерская, Колбинская, Кандыгабайская) — в Семипалатинской областях [8]. Аульные школы открывались на основе правил об аульных русско-казахских школах Акмолинской и Семипалатинской областей от 11 октября 1901 г. Срок обучения в них был двухгодичным. Ученики изучали русский язык, родной язык, арифметику. Обучение велось на родном языке. Система преподавания была классной.

По просьбе казахского населения, находившегося под влиянием мусульманского духовенства, генерал-губернатор и дирекция народных училищ разрешили ввести вероучение в школах, но при условии, что преподаватель его будет содержаться на средства казахских обществ.

Создание аульных школ, дающих первоначальные знания, не решало задач просвещения казахского населения. Это понимали и население, и местные власти. Казахское население ходатайствовало об открытии одноклассных (волостных) и двухклассных русско-казахских училищ. Однако стремление казахского населения к просвещению не находило понимания и поддержки ряда руководителей учебного ведомства и местной администрации. Так, инспектор училищ Семипалатинской области А. Злобин в отчете за 1902 г. писал: «От открытия одноклассных и двухклассных русско-казахских школ следует воздержаться до тех пор, пока число учащихся в аульных школах не поднимется до желаемой нормы» [9]. Иначе к этому вопросу относился А. Е. Алекторов. В письме Акмолинскому губернатору от утверждал, что «без волостных школ и двухклассных русско-киргизских училищ аульные школы, которые по правилам 11 октября 1901 г. являются только начальными отделениями этих училищ, могут потерять в глазах значение, как не дающие никаких практических результатов» [10]. А. Алекторов составил план развития школьной сети в Акмолинской и Семипалатинской областях, согласно которому учреждение волостных и двухклассных училищ началось в 1904 г. Одноклассные (волостные) русско-казахские училища имели 4-летний курс обучения. В них изучали русский язык, вероучение, родной язык, арифметику, преподавалось пение. Система обучения, как и в аульных школах, была классной. В двухклассных училищах для казахов, при 6-летнем сроке обучения, кроме перечисленных предметов изучались также география, естествоведение, черчение, начала геометрии, русская история. Обучение велось первые два года на родном языке, а затем на русском. Система преподавания, начиная с пятого года обучения, была предметной.

По вопросам образования «восточных инородцев» Министерством народного просвещения было созвано особое совещание, которое проходило под председательством А. С. Будиловича с 10 мая по 3 июня 1905 г.

Выступившие перед участниками совещания, царь Николай II и министр просвещения Глазов указали на необходимость русификации всей системы образования нерусских народов. Участники совещания высказались за создание

единой для всех восточных и среднеазиатских народов системы школ. Причем особо было подчеркнуто, что школы для национальных меньшинств не должны зависеть от «случайностей» и «личного» усмотрения местных деятелей. Собрание обсудило вопрос о языке обучения в национальных школах. В его решениях отмечалось, что преподавание на родном языке может быть разрешено только тем народам, которые имели свою письменность. Такими народами были признаны польский, литовский, немецкий, татарский, латышский, эстонский, армянский, грузинский. Что касается казахского, узбекского таджикского и ряда других языков народов Казахстана и Средней Азии, то они были признаны «не имеющими письменности и литературы», и преподавание в национальных школах этих районов на родном языке разрешалось вести только в первые два года обучения [11]. В соответствии с рекомендациями этого собрания были составлены новые правила для национальных школ, которые были утверждены министром народного просвещения 31 марта 1906 г. Правила «О начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» имели своей целью сделать национальную школу орудием русификаторской политики царизма. Параграф 2 правил гласил: «Начальные училища для инородцев имеют цель, с одной стороны, содействовать их нравственному и умственному развитию и, таким образом, открывать им путь к улучшению их быта, а с другой стороны, — распространять между ними знание русского языка и сближать их с русским народом на почве любви к общему отечеству» [12]. Перед национальными школами ставились крайне ограниченные образовательные задачи.

В 1909 г. А. Алекторова на посту директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей сменил А. Филиппов. О его заинтересованном и объективном отношении к порученному делу можно судить по ряду высказываний. Так он писал: «Там, где киргизское население тесно соприкасается с русскими переселенцами, русское образование прививается быстро и требований об открытии русско-киргизских школ много больше, чем там, где русских переселенцев нет» [13]. В качестве примера он приводил отношение к русско-казахским школам населения двух уездов Акмолинской области — Петропавловского и Атбасарского. В Петропавловском уезде, в котором переселенцев было больше, местное население требовало открытия одноклассных и двухклассных русско-киргизских школ. Во втором уезде, где переселенцев было значительно меньше, открытие русско-казахских школ проходило с трудом.

В 1913 г. был составлен план введения всеобщего начального обучения в Степном крае, однако на казахов, которые составляли здесь большинство населения эти планы не распространялись. Вот как на это отреагировал А. Филиппов в 1914 г. в письме попечителю Западно-Сибирского учебного округа: «В школьную сеть внесены исключительно русские учебные заведения. В планы не вносятся казачьи школы и русско-киргизские училища. Ввиду того, что нормы, установленные для введения всеобщего обучения среди русского населения, не могут быть приложены к местностям с киргизским населением (например, количество детей на одну школу, ее микрорайон) ввиду огромного количества киргизского населения сравнительно с русским, последние (киргизы) пока остаются обойденными школами. Киргизы не везде одинаково осознали важность и значение русского образования и планомерного развития образования среди киргиз пока еще быть не может. Поэтому школьная сеть по развитию народного образования среди киргизского населения должна быть составлена особо» [14].

С ростом числа школ потребность в учителях увеличивалась, и органы народного образования вынуждены приступить к открытию педагогических классов. В 1900 г. такой класс открылся при городском училище Верного, в 1903 г. — при Мариинском женском училище в Усть-Каменогорске. Позднее подобные классы

были открыты при городских училищах в Атбасаре, Павлодаре, Петропавловске. 29 июня 1907 г. Министерство народного просвещения издало новые правила о педагогических классах. Согласно этим правилам, увеличивался срок обучения в педагогических классах до 2 лет. В учебный план двухгодичных педагогических классов входили следующие предметы: закон божий (для православных), русская история (в связи с изучением всеобщей истории), география, педагогика, методика русского языка и чистописания, методика арифметики. В педагогических классах Казахстана в учебный план как обязательный предмет входил казахский язык. В 1908-1910 гг. все педагогические классы начали работать по новому учебному плану [15].

Уровень знаний отдельных выпускников этих классов оставлял желать много лучшего. Их работа в школах вызывала серьезные нарекания инспекторов училищ. Однако, несмотря на отдельные недостатки в работе, педагогические классы сыграли важную роль в развитии народного образования в Казахстане, так как именно из этих классов вышли учителя для начальных школ. К их числу относятся такие известные учителя и общественные деятели, как М. Сералин, С. Кубеев, Б. Утетлеуов, А. Байтишев, З. Толстых.

Много для развития просвещения в Степном крае сделал известный ученый-педагог А. Н. Седельников, являвшийся директором Омской учительской семинарии. Социальные катаклизмы 1917 г. не позволили ему осуществить многие научные проекты. Не удалось А. Н. Седельникову осуществить и издание уникального «Учебника родоноведения» для школ Западно-Сибирского учебного округа. Две части учебника из четырех задуманных рассказывали бы о Степном крае — Акмолинской и Семипалатинской областях. В 1916 г. ученому удалось выпустить лишь первую часть учебника. Она повествовала о природе и населении Акмолинской области как в целом, так и применительно к отдельным ее уездам — Омскому, Петропавловскому, Кокчетавскому, Акмолинскому и Атбасарскому.

В предисловии к своему учебнику А. Н. Седельников писал о Степном крае: «Обширен и богат наш край, но мы мало знаем его, мало знакомы с его природой, естественными богатствами и условиями жизни в нем. Чтобы быть полезным членом своей родины и государства, необходимо с ранних лет изучать свою родину; изучая ее, мы научимся более любить и ценить свое отечество» [16].

На рубеже XIX-XX вв. все большую роль в педагогической жизни России, в развитии народного образования и педагогики приобретают просветительские организации. Как и всякая общественная инициатива, просветительская деятельность вызывала постоянное противодействие со стороны царской администрации.

Просветительские общества, общества содействия разным видам образования были наиболее многочисленными. К их числу относились такие, как Московский и Петербургский комитеты грамотности, Харьковское общество распространения в народе грамотности и т. п., а также общества, содействовавшие определенному виду образования (коммерческому, сельскохозяйственному, женскому, начальному, среднему и т. д.), и организации с более конкретными, узкими целями (комиссии и общества по организации народных чтений и устройству полезных развлечений, общества народных университетов и т. п.).

К просветительским следует отнести и общества, содействовавшие развитию народного образования путем оказания помощи нуждающимся учащимся. Основная группа таких обществ действовала в области начального народного образования — важнейшей в условиях массовой неграмотности народа.

Из существовавших в Степном крае просветительских обществ особенно следует отметить деятельность Семипалатинского общества попечения о на-

чальном образовании. Устав его был утвержден 21 апреля 1887 г. Он состоял из 35 пунктов. 21 ноября того же года последовало открытие общества. Цель и задачи общества были определены в параграфах 1 и 2 Устава. Цель общества представлялась следующим образом: «развитие внешкольного образования и воспитание во всех его видах, способствование поднятию и росту культуры.. Для осуществления этой цели общество открывает: библиотеки, читальни, музеи; устраивает: публичные чтения, курсы, воскресные школы, детские клубы, сады, площадки и т. п.» Членом общества мог быть любой житель города, «внеший в кассу общества установленный взнос (не менее одного рубля), не моложе 18 лет, любого звания и сословия, без различия вероисповедания, за исключением лиц, опороченных по суду» [17].

Структура общества попечения о начальном образовании в городе Семипалатинске была такова: председатель, товарищ (заместитель) председателя, секретарь, казначей и пять членов. Все дела, касающиеся общества, решал Совет общества. В функции председателя Совета общества входило: наблюдать за точным выполнением устава, подписывать входящие и исходящие бумаги, а также председательствовать на совещаниях Совета. Секретарь общества занимался делопроизводством: фиксировал протоколы совещания Совета, составлял ежегодные отчеты о деятельности общества, вел его переписку. Казначей ведал всеми финансовыми вопросами общества, а также составлял отчеты о приходах и расходах организации за истекший год. Все члены Совета несли службу в обществе безвозмездно [18].

Как и другие, культурно-просветительные общества России, Семипалатинское общество попечения о начальном образовании было стеснено в средствах. Средства общества состояли из ежегодных членских взносов, пожертвований, сборов, устраиваемых в пользу общества, увеселительных собраний, концертов, спектаклей и т. д. [19]. Члены Совета общества для пополнения кассы разослали петиции — прошения об оказании материальной помощи вновь созданной организации. На эти прошения откликнулись некоторые жители города Семипалатинска, которые для поддержки деятельности общества попечения о начальном образовании жертвовали деньги, вещи, книги и прочее. Для оказания помощи обществу включились и «власть имущие» города Семипалатинска. 2 мая 1890 г. городской управой была организована увеселительная прогулка на речном пароходе, и часть дохода — 71 рубль — была отправлена в распоряжение общества попечения о начальном образовании. Купчиха 2-й гильдии Евгения Петровна Степанова в своем завещании сделала следующую запись: «внести в Государственный банк на имя общества попечения о начальном образовании в г. Семипалатинске — 500 рублей, проценты с коих получало бы ежегодно общество и тратило по своему усмотрению». Существенные пожертвования были сделаны купцами города А. И. Деровым, Ф. С. Афониным, Ф. П. Плещеевым [20].

Наиболее трудным в деятельности общества попечения, по мнению членов Совета, был 1891-1892 гг. «Причинами этому служат все те же испытания, которые пришлось и испытать населению Семипалатинска в нынешнем году, а именно: во-первых, наплыв в город переселяющихся из голодающих местностей крестьян, к которым местное общество не могло не прийти на помощь со своими материальными средствами; во-вторых, еще более тяжкое несчастье — холерная эпидемия, во время которой, весьма естественно, каждый должен был думать лишь о сохранении своей жизни и жизни близких ему лиц, — все эти обстоятельства, конечно, отвлекли внимание населения от нужд учащегося поколения» [21].

Несмотря на скромные материальные возможности, стесненные ограничительными рамками и запретами, Семипалатинское общество попечения о начальном образовании проводило большую работу по вовлечению в учебу нужда-

ющуюся в этом молодежь. В 1888-1889 учебном году общество помогло «28 бедным ученицам женской прогимназии, 24 ученикам 5-тиклассного городского училища и 26 ученикам приходского училища, таким образом, общество дало возможность продолжать учение 78-ми детям, дало им теплую одежду, обувь и книги» [22]. В 1888 г. обществом была сделана попытка открыть бесплатную воскресную школу, на «которую произведено расходов 159 рублей 42 коп. », но вскоре она была закрыта из-за низкой посещаемости учащихся, которых к концу учебного года было не более 4 человек. Однако Совет общества «не признал необходимости отказаться со своей стороны от дальнейшей деятельности в интересах распространения грамотности среди местного населения» города Семипалатинска. Главными видами деятельности общества были организация народных чтений, открытие воскресной и начальной школы, народной библиотеки-читальни, попечение над публичной библиотекой.

Первые народные чтения в г. Семипалатинске прошли 26 октября 1903 г. и были посвящены дню покорения Сибири. Организаторы народных чтений придавали большое значение их деятельности «исходя из того положения, что народные чтения являются своего рода воскресной школой для народа, которая должна вносить в аудиторию новые впечатления, пробуждать, говоря словами Пушкина, «добрые чувства», возбуждать любознательность, давать ответ на самостоятельно возникающий у кого-либо из посетителей аудитории вопрос, — которая должна, вообще, возможно больше просвещать, а меньше всего развлекать» [23].

Зная, что за народными чтениями осуществлялся постоянный надзор со стороны местной администрации организаторы этой просветительной деятельности не выходили за рамки цензурных ограничений, и потому программа чтений состояла из следующих разделов: 1-й раздел — природоведение — включал сведения о небе, о земле, о воздухе, о растениях, о животных, о силах природы; 2-й раздел — народоведение — содержал информацию о первобытном человеке, по истории новейшего времени и истории русского народа; 3-й раздел включал религиозно-нравственные статьи и рассказы, биографии и произведения известных русских писателей [24].

Народные чтения приобрели большую популярность среди местного населения города, и число желающих посетить их постепенно росло. Учитывая то обстоятельство, что народные чтения привлекали большую массу слушателей, местная администрация разрешила проводить занятия в двух помещениях: в народном доме и харчевне — чайной попечительства трезвости.

Народные чтения начались 26 октября и закончились 28 декабря 1903 г. За это время в аудитории народного дома было проведено 8 чтений: одно — в октябре, пять — в ноябре и два — в декабре. Восемь чтений в народном доме посетило всего 2035 человек, «в том числе 133 нижних воинских чинов и 22 мусульманина (несомненно, среди них были казахи. — С. У.); в среднем на каждое чтение приходило по 254 человека» [25].

Вся деятельность народных чтений держалась на частной инициативе и благотворительности, что вынуждало членов общества попечения о начальном образовании брать плату со слушателей. Платность мероприятий, отсутствие своего помещения для ведения занятий и частая смена аудиторий тормозили развитие народных чтений в г. Семипалатинске, и они в скором времени были сведены на нет. Тем не менее народные чтения, как форма внешкольного образования, сыграли некоторую роль в повышении культурного уровня населения, они способствовали определенному повышению интереса трудящихся Семипалатинска к знаниям.

Среди организаторов Семипалатинского общества попечения о народном образовании были довольно яркие личности. Так, одним из инициаторов открытия общества в Семипалатинске являлся Александр Львович Блек (Блок) (1861-1925), являвшийся одним из первых марксистов в городе. Свою революционную деятельность он начинал в одном из кружков «Черного передела», занимавшегося пропагандой среди рабочих. В 1882 г. в среде революционного студенчества Москвы возникло «Общество переводчиков и издателей», в котором также состоял А. Блек. Идеология и деятельность этой организации отражали идейные искания, поиски правильной революционной теории, поворот от народнических идей к марксизму. Группа выпускала сборник «Социалистическое знание», в котором активно печатался А. Блек.

Осенью 1882 г. А. Блек едет в Калужскую губернию. Ему было поручено создать подпольную типографию. Однако типография была раскрыта, а ее организаторы арестованы. А. Блек был подвергнут высылке в Степной край. В архивных материалах сохранилось сообщение военному губернатору Семипалатинской области от 28 июня 1883 г., в котором сообщалось следующее: «Выслать подследственного почетного гражданина Александра Львовича Блека, содержащегося в Санкт-Петербургском доме предварительного заключения, на жительство под надзором полиции, в одну из местностей Западной Сибири, наиболее благоприятных по своим климатическим условиям для его расстроенного здоровья, на пять лет». В 1883-1884 гг. А. Блек проживал в Семипалатинске. Эти два года прошли в напряженной работе по делам статического комитета. При его участии были организованы музей и библиотека. Однако в связи с ухудшением состояния здоровья 7 февраля 1885 г. А. Блек подал прошение губернатору: «Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство, на основании Вашего словесного разрешения 19 ноября минувшего года сделать распоряжение о выдачи мне свидетельства на проживание в Алтайских горах Усть-Каменогорского уезда» [26]. Два года проживал он в поселке Ульбинском. Здесь, в ссылке, А. Блек встречался с американским журналистом Д. Кеннаном и принимал участие в снабжении его сведениями и материалами о политической ссылке в России. Вспоминая период пребывания в Семипалатинской области, А. Блек писал: «В ссылке занимался статической и литературной работой. Между прочим, перевел книгу Ф. Ланге «Рабочий вопрос». Его значение в настоящем и будущем». Книга А. Блека вышла в издании Павленкова в 1892 г. и за короткий срок была трижды переиздана. Современники отмечали, что эта работа «являлась в девяностых годах одной из настольных книг русского социалиста» [27].

Весной 1887 г. А. Блек возвратился из Ульбинской станции в Семипалатинск, а с весны следующего года официально оформляется на работу письмоводителем в статистический комитет. Одновременно с другими активистами он был инициатором создания общества попечения о народном образовании в городе Семипалатинске. Один из местных общественных деятелей того периода П. Е. Маковецкий, возглавлявший статистический комитет, дал исключительно теплую характеристику политическому ссыльному: «Занимающийся письмоводителем по вольному найму при статическом комитете А. Блек свои обязанности выполняет прекрасно» [28]. Вместе с другими политическими ссыльными он состоял в тесных связях с Абаем Кунанбаевым и являлся проводником просветительных и марксистских идей в казахской степи. В 1889 г. А. Блек возвратился из ссылки в Центральную Россию.

Научные исследования края российскими учеными были объективны и достоверны. Никогда еще дотоле мало исследованный край не подвергался такому интенсивному научному изучению. Были вскрыты огромные пласты

информации, собраны уникальные данные по особенностям флоры и фауны, распределению источников воды, залежам полезных ископаемых и многое другое.

Прогрессивные представители русской культуры активно посещали Степной край. Коренное население по-разному встречало русских пришельцев, тем не менее оно отдавало дань уровню просвещенности и культуре русского человека. За считанные годы была построена разветвленная сеть школ, в которых учились и русские и дети казахов. Совместное обучение давало свои плоды, культура передавалась напрямую без посредников. Создавался пласт национальной интеллигенции. И в то время когда нарастала политическая напряженность в царской России, независимо от нее происходил культурный взаимообмен между народами. И если политические потрясения, которые после февраля 1917 г. сопровождались социальными катаклизмами, принесли немалый урон всем народам, то культурные ценности остались в сознании казахского народа и сыграли свою положительную роль в развитии казахского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обзор Акмолинской области за 1901 г. Омск. 1901. С. 55.
2. Там же. С. 55.
3. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК.) Ф. 369. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
4. Там же. Л. 9.
5. Сулейменов Д. О киргизской хрестоматии А. Е. Алекторова // Русский язык в СНГ. 1992. № 1-3. С. 29.
6. Сулейменов Д. Сподвижник и последователь Ибрая // Мысль. 1995. № 6. С. 87-89.
7. Кузембайулы А., Абилев Е. История Республики Казахстан. Астана: АГПИ, 2001. С. 255.
8. Самбаев А. И., Храпченков Г. М. Очерки по истории школ Казахстана (1901 — 1917 гг.). Алматы: Казахстан, 1972. С. 117.
9. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 367. Л. 155.
10. Там же.
11. Сембаев А. И., Храпченков Г. М. Указ. соч. С. 34.
12. Там же. С. 58.
13. ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.
14. Там же.
15. Цит. по: Урашев С. Родники просвещения. Алма-Ата: Казахстан, 1991. С. 40.
16. Тажибаев Т. Просвещение и школы Казахстана во 2-й половине XIX в. Алма-Ата: Казахстан, 1962. С. 380.
17. ЦГА РК. Ф. 504. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.
18. Там же. Л. 2.
19. Там же. Л. 2.
20. ЦГА РК. Ф. 504. Оп. 1. Д. 6. Л. 5, 6.
21. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 25. Л. 24.
22. Там же. Л. 25.
23. ЦГА РК. Ф. 504. Оп. 1. Д. 16. Л. 274.
24. Там же. Л. 276.
25. Там же. Л. 277.
26. ЦГА. РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 72. Л. 1, 18, 22.
27. Галиев В. З. Общественная деятельность политических ссыльных в Северо-Восточном Казахстане (1890-1904 гг.). Алматы: Национальная библиотека Республики Казахстан, 2004. С. 74.; ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 72. Л. 22.
28. ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 72. Л. 32.
28. ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 72. Л. 32.